

Анастасия Спивак

Там, где трава зеленее

рассказ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Олеговна Спивак

Там, где трава зеленее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42672938

SelfPub; 2019

Аннотация

Все ли мечты должны сбываться? Где трава зеленее, небо синее, а чай вкуснее? И почему всегда хорошо там, где нас нет? Содержит нецензурную брань.

Дашка, умаявшись, откинула волосы со лба, загребла их под косынку, присела на пластмассовую коробку, притулившись в каменном углу, и закурила. Желтели пальцы от табака, никотиновые лёгкие дышали рвано, неглубоко. Но дымила по привычке.

Не то чтобы зависела от сигарет Дашка. Порой работала весь день – могла и не курить до вечера, занятая, только с утра в одну-две затяжки всосёт свой «Bond» и скачет. Посуду моет, на которой клиенты всякую лабуду мясную и овощную за день посожрут. Оттирает металлические столы, на которых громадная повариха Аня полдня раскатывала лихо и с матами тесто на картофельные пирожки и сочащиеся жиром манты. Разбирает мясорубку, каждое сочленение, каждый хитрый винтик промывает от мелкой мясной херни, собирает снова и задвигает на полку. По вечеру драит везде полы. Один раз посадили чистить чеснок, но Дашка готовить толком не умела никогда толком и столько времени на эту простую ерунду убила, что наорали, полаялись между собой и на неё и решили, что на посуде с Дашки больше будет пользы. Нет-нет картошку обскребала от кожуры, но это уже привычней и быстрее.

Дашке было сорок восемь. Худая, с тусклым лицом и запавшими, несчастными щеками, она выглядела мрачной и недоброй, глядела исподлобья, но недоброй вовсе не была. Уставала кухрабочей бегать, вот и тускнела понемногу. Но нигде больше Дашку не брали. Мозгом она не блистала ни-

когда. Кто-то сейчас в интернете работает, кто-то в офисах сидит. Можно диспетчером в такси, но не возьмут же. Речь должна быть хорошая, складная, дикция отчётливая. Да и лазь в компе, мышкой шлёпай, разберись ещё в вашей современной электронике. Не то всё.

Образование нынче неважно, Дашка это не раз слышала. Но мозгом шевелить надо, не просто шевелить – ёрзать и метаться нужно мыслью, как ненормальному, чтобы поспевать за нынешним ритмом. Метаться мыслью, шлёпать мышкой и складно разговаривать Дашка не умела. Вот и плелась, устаревшая уже лет двадцать как, по своей жизни, как драная кошка по улице – без огонька и радости, питаюсь случайной падалью.

Сигарета пожгла пальцы, потому что Дашка загрустила и задумалась. Пакость какая, твою ж. Матюкнувшись, Дашка бросила бычок в дышащий смрадом рот скособоченной урны. Урна не жевала: зубов не было. У Дашки тоже пара зубов уже погнила да вывалилась. Раньше мода была на золотые коронки. Все ходили с блескучими воровскими фиксами, гордились, выставляли их напоказ. А посеёчас кто ходит с ними – стыдится, копит деньги на современные чудеса стоматологии, рот в лапе прячет. Ещё бы, уродство ведь невероятное. У Дашки, правда, денег не было ни на золотые зубы, ни на фарфоровые, красивые. Ну и хрен с ними, акула, что ли, с лишними клыками ходить.

Дашка пошла переодеваться: заканчивалась смена. Анже-

ла – администраторша лет тридцати, утянутая в талии красной лентой пояса, как букет, – вызывала такси по стационарной трубке. Работали до двух ночи, поэтому за машинку платила фирма.

Дашка плюхнулась ждать на пластмассовый, надломленный в подлокотнике стул. Даже болтать не хотелось, хотя Анжела была весёлой и доброй. Дашкин взгляд исподлобья её не отпугивал и не обманывал. Когда клиентов не было и летний день тёк густо и жарко, лениво, сидели Дашка да она, смеялись без умолку, бездельничали. Не дружили, но приятельствовали. Посуда в такие дни горой не стояла, потому что с неё никто не ел. Дашка, быстро управившись с заплёванной тестом и жиром громадной плитой, брала в счёт зарплаты пирожок с ягодой и «Greenfield» в белой горячей кружке и сидела за столиком, перемывая кости дебилам-клиентам и припоминая всякую смехотню из жизни. Хорошо было тогда. Но всё равно внутри тошно, тошно...

Подъехала «Приора», замызанная от колёс до бампера и посему неопределённого цвета. Дашка загрузилась на переднее сиденье, и голову обмотало электронщиной: понеслись стандартные дорожные песенки из автомобильного радио. Много про секс и наркоту, бессвязное словесное месиво, пересыпанное бодрим дискотечным ритмом. Про секс и наркоту Дашка не любила, потому что ни в том, ни в другом не разбиралась, но не осуждала. Просто ей музыка не нравилась вообще. Когда Дашка хотела отдохнуть, она либо смот-

рела по телевизору кино про Америку, либо упиралась глазами в исторические романы про любовь и интриги и сидела так часа по два. Романы зудели в голове, и Дашка мечтала о красивом имени, родовом поместье и больших деньгах.

О любви уже не мечталось – темноглазые страстные любовники из книжек рядом не уживались даже в воображении. Что с ними делать-то, с любовниками, нянчиться или яишенку по утрам жарить? Уже зачем. Кататься с ними на лошадях и в томных позах ждать их наизготовку на шёлковых простынях, усыпанных лепестками? Какие лепестки, в СССР лепестков не было, равно как и пестиков с тычинками.

Вроде и замуж Дашка ходила лет в тридцать, далеко, что ли, ходить. Но муж как-то очень быстро, года через два, ушёл к другой, детей не произошло, и больше мужские носки в её шкафу ни разу не ночевали, хотя мимолётные любви были потом – но без сожительства, а так, по-подростковому.

Ехали-ехали и приехали. Дашка вылезла, как подснежник, навстречу миру и воздуху, побрела к подъезду. Магнитный замок не пиликнул, но дверь открылась свободно: твари-соседи опять подрезали домофон, скоро все бомжи города сюда жить соберутся. Подъезд блистал, как зебра: то есть лампочка на этаже, – белая полоса – то выкрутили – и тьма тьмущая. Дашка докарабкалась до пятого, дыша, как насморочная, ртом. Открыла дверь ключом.

Дома было холодно и противно. Но дома можно пить чай, валяться вниз лицом на кровати, смотреть рекламу йогурта

по ящику, не мыть посуду, если не хочется. Поэтому Дашка холод пережила, щёлкнула электрический чайник на кухне, включила свет. Стало получше. И Дашка нашарила на диване гладкий пульт, клацнула кнопкой – пузатый древний телевизор начал шуметь, как завёлся, потом дал картинку. Шли новости. На другом канале – сериал про аферистов. Мультики. Кулинарная программа. Дашка пригорюнилась: кино про Америку не было.

Америка была Дашкиной глянцевою мечтой, как иллюстрация с Эдемом из детской Библии. Бродят тигры в агрессивных кожанках и косули в белых футболках, с тонкими беззащитными щиколотками. Пышно цветут сады, дымит и движется индустрия. Бегут по экрану телевизора подтянутые фитнес-девочки в наушниках, а потом едят красивую еду в красивых кафе красивыми розовыми ртами. Язык у них – как речь бизнес-коуча: «Уан, ту, фри – а ю рэди?». «Рэди-рэди, что бы это ни значило», – печально думала Дашка и хотела глоток настоящей жизни. Американской. Сверкающей.

Дашка насыпала гранулированный «Майский» в заварник, залила кипятком. И от этого тоже стало противно – хотелось листовой чай, вкусный. Заварник хотелось расписной, дорогой и фарфоровый. И так вдруг замучилась Дашка реальная от зависти к несуществующей богачке-Дашке с изящной молочно-белой посудой, с подтянутой, несмотря на возраст, фигурой и с блудливыми весёлыми глазами, что стукнула зло кружкой, которую было подняла от стола, и запла-

кала.

– Тебе как обычно, по пятьдесят?

– Давай по пятьдесят.

Тётка в очках порылась под столом, приняв мзду за удачливый билетик, и вытащила яркую ленту лотереи. Двадцать циквирок в кружочках в четыре ряда. То ли лохотрон, то ли ежедневно ускользающая из рук невысказанная удача.

Дашка покупала лотерейные билетки, как покупают хлеб – по привычке. Появилась эта привычка давненько. Когда ушёл муж, мелькнула ещё любовь по имени Сергей с оттопыренными ушами, на десять лет старше, с отвратительной манерой растягивать гласные. И когда они ссорились, Дашка покупала лотерейки. Дескать, не везёт в любви – повезёт по жизни. Обычно лотерейки были проигрышные, выиграть можно было рублей сто максимум на какой-нибудь дешёвой. Дорогие билетки по пятьдесят рублей никогда не выгорали. Потом Дашка мирилась с Сергеем и утешалась – повезло в любви, значит. А когда помидоры завяли и унеслись в никуда оттопыренные уши и растянутые гласные, лотерейная привычка осталась.

Солнечное воскресенье огладило теплом сутулые Дашкины плечи, и она разомлела. Решила: сегодня точно повезёт.

Уже занимался вечер. Дашка прошлась по магазинам, купила курицу к ужину и всякой ерунды по мелочи. Покурила у подъезда, растягивая сигарету и наслаждаясь погодой. Маленькая девочка, проходя мимо, улыбнулась во все

три зуба. Дашка улыбнулась в ответ и подмигнула. Пронзила её вдруг надежда, острая и трепетная. Дашка поддалась ей, разогревая вспыхнувшую уверенность: да, это предчувствие. Она точно выиграт, продаст квартиру и будет жить в каком-нибудь американском городке, уедет, уедет далеко-далеко – а тут постыло всё, обрыдло, надоело. И Дашка расправила крылья и понеслась на пятый этаж, чуть ли не напевая на ходу.

Она мотнула пультом, переключая на заветный канал, села на диван и вцепилась в свой лотерейный билетик. Система была простая: прекрасная девушка, похожая на американскую фитнес-девочку из кино, доставала белые шарики с красными номерками из специального аквариума. И выкладывала их в рядок: смотрите, мол, я повелеваю вашей удачей. Дашка и не спорила – девушка была ей чем-то симпатична.

– Добрый вечер, дорогие телезрители, с вами программа «Ля миа фортуна» и её ведущий Дмитрий Высотников! – веснушчатый паразит, вылизанный и, возможно, слегка намакияженный, поправил тонкие модные очки и ослепительно улыбнулся Дашке с экрана. Она скривилась и куснула губу – вряд ли б он ей так улыбнулся где-нибудь на улице, сволочь. – Мы в прямом эфире, Лена!

– Привеет-привет, дорогие мои! – прекрасная Лена с нежным ореолом невесомых тёмных кудрей вокруг лба помахала рукой в камеру. – Готовы испытать судьбу ещё раз и получить миллион рублей? Вам сегодня повезёт, можете мне

поверить! Но сначала рекламная пауза...

Дашка налила себе чай, забралась с ногами на диван и бездумно впялилась в телевизор. Люди, переодетые в зубные щётки, танцевали ламбаду.

– Ваши зубы – в наших руках, – доверительным баритоном сказала самая высокая щётка и протянула громадную волосатую мужскую ладонь. Камера перефокусировалась. На ладони лежал великанских размеров плюшевый зуб, белый и милый.

Гении рекламы, блин.

Вернулась Лена – возможно, тоже пила чай, пока эфирное время было занято стоматологической музыкальной паузой.

– Ну что, дорогие мои телезрители, приступим к основной части нашей программы? – она улыбалась так широко, что казалось, будто скоро углы рта встретятся на затылке и верхняя часть головы у неё откинется на шарнире, как у куклы.

Закрутился прозрачный аквариум, перемешивая шары. Взболтал их, как течение взбалтывает золотых волшебных рыбок, исполняющих желания. И остановился.

«Раз он в море закинул невод...»

Лена сунула узкую точёную ладошку в аквариум и уцепила крепенький белый шарик:

– Пятнадцать!

Дашка ухмыльнулась: первая совпала. Ещё девятнадцать.

«Он в другой раз закинул невод...»

– Сорок пять! Тридцать! Четырнадцать!

Дашка вычеркнула ещё три цифры и слегка затрепетала. В ней проснулся азарт.

– Семь! Двадцать семь! Сорок шесть! Двенадцать!

С каждой новой цифрой Дашку слегка встряхивало, словно от разряда дефибриллятора. Ещё немножко, и сердце заколотится, очнётся внутри неё свежая, новая, горячая жизнь, и побегут по внутреннему экрану зелёные ломаные зигзаги. Ей пока что невыносимо везло, и она боялась темноволосой Лены в пузатом телевизионном экране, боялась и любила её в этот момент, как родную.

Карандаш сломался. Дашка выматерилась и цапнула со столика чёрную подсохшую ручку. Ручка писала, но плохо.

Лампочка над головой сверкнула, как солнце, когда Дашка на секунду подняла глаза. И её от зрачков до пяток наполнил свет. Предчувствие счастья. Она увидела себя в белых одеждах, прекрасной, как в фильмах, с толстой пачкой иностранных денег. На фоне статуя Свободы освещает факелом дорогу к Эдему, крупным планом – её лицо с новенькими фарфоровыми зубами и с разглаженными морщинами.

Девятнадцатая цифра совпала. Дашка сомкнула ресницы почти невольно, боясь удара по раскатанным до земли губам.

«В третий раз закинул он невод...»

Лена на экране сунула лапку в аквариум за последней рыбкой.

Дрынькнул телефон. Дашка вздрогнула, автоматически перевела взгляд. Открыла сообщения.

«Дарья Николаевна, здравствуйте. Умерла ваша сестра Светлана. Приносим свои соболезнования. Свяжитесь с нами по нижеуказанному номеру в ближайшее время, вы единственный родственник».

Было написано что-то ещё, но Дашка не прочла. Выронила телефон. Лампочка моргнула, втянув весь свет назад.

На экране виднелось число «35». На лотерейном билете Дашки издевательски чернело «36».

Золотая рыбка махнула хвостиком и поплыла вдаль, к поминкам, водке и скорбно-весёлым безенчукам, наметившимся на барыш.

Похороны – дело нудное и муторное. А ещё очень затратное. Света погрузилась с головой в смерть, как ребёнок, вжавшийся в убежище одеяла. Спряталась, а ответственность за всё оставила на Дашке. Но Дашка не злилась. Она любила сестру. Поэтому, сцепив зубы, носилась по ритуальным агентствам, платила тут и там за хранение тела, за перевозку, за венки, за цветы, за столовую с унылыми серыми скатертями, за отпевание и чёрт его знает ещё за что. На похоронах от усталости уже даже не плакала. Снесло потом, когда она села одна дома через несколько дней и решила помянуть сестру. Одна рюмка водки выбила из себя, вывернула и сделала мир приглушённым, плывущим. Ноги подкосило, и она уснула мутным тяжёлым сном прямо на кухонном диванчике. На работе дали отгул, сказали, мол, приходи в себя, а потом уже работай.

Самая острая боль прошла быстро: человек такая сволочь, что всё рано или поздно затихает и устаканивается. Дашка вышла на работу. Остервенело мыла посуду, оттирала полы – всё по-старому. Но в голове зашевелились коварные мыслишки.

От Светы осталась квартира, кое-какие сбережения. Пару ностальгических фотографий и мелкую, милую сердцу ерунду Дашка оставила себе, остальное распродала за копейки. И задумалась.

Квартира у Светы не была огромной – обычная двушка, не обременённая стеклопакетом. Если её сдавать, то можно уволиться и пожить немножко для себя. Вселить студентов, и пусть себе платят, вполне неплохой вариант. Хорошо, правильно складывалось. Но Дашка вдруг затомилась сердцем. В глазах поплыли белые одежды и статуя Свободы. Дашка отпихивала это красочное видение и старалась думать об адекватных правильных вещах, но получалось плохо.

В один из вечеров, проведённых в борьбе с собой, Дашка щёлкала пультом и грызла бутерброд с колбасой. И вдруг притормозила: по экрану побежала фитнес-девочка в наушниках. И такая она была красивая и ладная, в сером топе, обнажающем смуглый пресс, что Дашка подавилась колбасой и завистью. И твёрдо решила: квартиру Светы надо продавать. И ехать в Америку.

Когда решение всплыло из подсознания и налилось красками, Дашке стало легче. Больше не надо было себе врать и

делать вид, что ей не хочется раз в жизни попробовать что-то безумное. Друзей у Дашки не водилось. С коллегами и приятелями она своей мечтой разумно не делилась. Поэтому отговаривать было некому.

Однако пока Америка казалась химерой. Решиться на что-то – полбеда, а с воплощением в жизнь уже проблемка. Конечно, можно было просто утолить жажду на время – пофоткаться в старомодном закрытом купальнике на мутный древний телефон, поесть картошку фри в первой попавшейся забегаловке, приехать домой по окончании туристической визы с пустыми карманами и полным сердцем и всю жизнь страдальчески вздыхать, как там было прекрасно, гордясь своей тонкой душевной организацией и презирая всех, кто не познал красоту какой-нибудь там басурманской Флориды. Но Дашка, несмотря на робкий характер и весьма развитую с годами способность к самообману, твёрдо решила, что иллюзий она за всю жизнь наелась и временный допинг не для неё. Поэтому стоило продумать другой вариант, так, чтоб приехать туда – и остаться навсегда.

Дашка собрала все деньги, оставшиеся от сестры, и составила план действий. Она сдала квартиру Светы на пару месяцев. Работать попросилась на полставки. И начала копаться в интернете и искать ответы на кучу возникших разом вопросов.

Фиктивное беженство Дашка отмела сразу. Конечно, можно было обречься наголо, выйти в центр города голышом

с тарелкой клубники на голове и проскандировать парочку лозунгов против действующего правительства, а потом сказать, что её творческую натуру никто не понял и она хочет убежища, дабы эти скучные люди не лепили ей уголовку и не писали плохие вещи под аватаркой в «Одноклассниках». Но на такие вещи нужна привычка эпатировать, молодой кураж, в общем, попросту говоря, дури в Дашке на такое не хватало. Поэтому надо было пробовать что-то другое. И Дашка, матерясь и тщательно вчитываясь в громадные простыни тех, кто выжил после оформления и даже куда-то там укатил, подала на «Гринкард».

«Та же лотерея», – мрачно думала Дашка. – «Максимум психоз себе выиграю». Но всё равно надеялась. И внезапно выгорело. С первого раза.

Сначала Дашка не обрадовалась даже, а просто не поверила происходящему. Перепроверила несколько раз. А когда поняла, что всё взаправду, стало дико страшно и радостно.

В тот же день Дашка купила себе громадный англо-русский словарь и, с ужасом взвесив его в руке, начала читать прямо с буквы «А». Разговорчивостью Дашка не отличалась никогда, но тут побила собственные рекорды. Не думалось ни о чём, кроме звёздно-полосатых штатов и английских времён. Теперь она не болтала с Анжелкой во время работы, а мельком перехватывала пирожок и уносилась драить кухню и думать. Курить Дашка практически бросила, снизив дозу до торопливой сигареты с утра. Помявшись, сме-

нила допотопный телефон с кнопками на модный сенсор, установила одно из бесчисленных обучающих приложений и начала ежедневно зубрить привычный уху, но совершенно непонятный инглиш. Сначала не выходило ничего, но Дашка упёрлась лбом. И постепенно шестнадцать английских времён расступились и разложились по полочкам, а фильмы про Америку оказались намного приятнее и интереснее без перевода.

Дашка шла на работу мимо общежития и бормотала под нос:

– Dormitory...

Смотрела на шкаф дома и подмечала:

– Wardrobe.

Когда ела, перед ней были уже не вилка и тарелка, а «fork» и «plate». Пешеходы назывались неприличным словом «pedestrians». Окружающий мир увешался яркими цветными ярлычками. Дашка топала сквозь толпу и чувствовала себя американкой. И от этого ощущения гордо выпрямлялась.

Что Дашке не давалось, так это фитнес. Бегать она стеснялась, остальные виды спорта казались недостаточно американскими. Поразмыслив, Дашка решила, что достаточно иногда ругаться смешным словом «fuck», а фитнес, он всё-таки не для всех. Сначала хотя бы курить бросить совсем.

«Нелегка она, американская жизнь», – думала Дашка, раскуривая «Bond». Фитнес-девочки не курили, но что поделывать.

Всё когда-то заканчивается. И однажды закончилось оформление визы. Дашка выселила квартирантов и выставила жильё покойной сестры на продажу.

Покупатель нашёлся на удивление быстро. Дашка держала в руках деньги и немножко дрожала: их было непривычно много. Так дрожащими пальцами она нащёлкала в новом хорошем телефоне в поисковик: «что нужно для переезда в америкку». «Google» поправил опечатку и вывел список страниц.

Понеслась бурная деятельность: поиск авиабилетов, форумы иммигрантов, нервы, нервы, нервы. Вдруг подумала: а как вещи перевозить за границу? Посчитала расходы и решила, что проще продать и там купить новые. Америка приблизилась, стала осязаемой и пугающей, как солнце на расстоянии вытянутой руки. Жгла лицо.

Дашка распродала всё лишнее, оставила необходимое. Уволилась с работы. Купила яркую молодёжную одежду, чтобы соответствовать новенькому полиэтиленовому Нью-Йорку или ещё какому-нибудь чудному городу. Подстриглась. Дашка не узнавала себя в зеркале. На неё оглядывались мужчины, но её сердце было занято Штатами и «Present Simpl'ом». Такая вот странная любовь.

Дашка словно вылезла из книжек по мотивации – меняла свою жизнь и внешность. Но она об этом не думала. Да и о книжках таких не знала. Никаких трендовых съеденных лягушек или Ошо. Дашка пёрлась, как осёл, не зная ни одной

из модных цитаток про «больше-выше». Но всё было как в цитатках – она чувствовала себя сильной и независимой и ползла в сторону своей мечты.

А список нерешённых дел, отделяющих её от вожаделенного переезда, таял и таял. Стремительно вычёркивались строчки. И вот Дашка упаковала чемоданы, запихала деньги в одну из сумок вместе с формуляром, подтверждающим, что энная сумма задекларирована и всё по закону. Раздарила комнатные цветы знакомым. Повернула ключ в замке и вышла на улицу. Такси до аэропорта ждало её, подмигивая шашечками.

Как эстафетную палочку, Дашку передавали из такси на таможду и из таможди в самолёт. Её осматривали, обыскивали, рылись в вещах и чуть ли не обнюхивали. Пластилинные минуты тянулись и тянулись.

Дашка включилась только тогда, когда села у иллюминатора на положенное по авиабилету место и откинулась на спинку.

Она. Летит. В Америку.

Дашка стояла, задрав голову, и смотрела на статую Свободы. Факел разбрасывал каменные всполохи. Статуя казалась игрушечной и ненастоящей. Из-за этого грандиозности не чувствовалось совсем. Чувствовалось, что большой дядя-иллюзионист всех наколол и поменял знаменитую каменную тётку с факелом на фанерную пустышку.

Вокруг бурлила разноязычная речь. Шли темнокожие де-

вушки с широкими ноздрями, поедая ярко-розовое мороженое. Торчала пучками трава у ног, яркая, как этикетка «Sprite». Greenfield. Теперь умная Дашка знала, что это переводится как «зелёное поле». И газон упорно ассоциировался у неё с белой кружкой чая в дешёвом бистро, и даже вкус во рту возникал крепкий, барбарисовый.

Она уже неделю жила в Нью-Йорке в дешёвом мотеле. Пила по утрам кофе с мудрёным иностранным пирожным, а потом гуляла и упражнялась в английской речи. Говорить оказалось неожиданно легко – не зря Дашка столько времени учила весь этот словесный ворох. Всё казалось знакомым и киношным: бегущие по парку женщины в молочно-белых наушниках, Эмпайр-стейт-билдинг, многочисленные стрит и авеню. Было головокружительно и чудесно. Но что-то точило Дашку. Какая-то смутная тревога. Всё было слишком хорошо, и от этого было плохо.

Деньги подозрительно не таяли, и это тоже волновало Дашку. Никогда у неё не водилось разом столько денег. Стоило завести карту, но Дашка боялась и бегала везде с наличкой, выдавая в себе приезжую. Мама приучила её хранить деньги в банке с прорезью на крышке, в нижнем белье, под матрасом и в прочих нычках советских времён. И Дашка страшилась того, что отдаст свои бумажки бездушному непонятному банкомату, а взамен получит пластик. Вот и носилась везде со всеми сбережениями – а вдруг в мотеле украдут?

Паранойя мучила Дашку. На вторую неделю она вдруг поняла, что в неё не лезет еда и каждый второй человек кажется ей бандитом. На следующий день в соседнем квартале кого-то застрелили из-за того, что он нелицеприятно отозвался о цветных. Наехали мрачные полицейские. Очертили тело мелом, и Дашка смотрела из окна на искажённый силуэт на асфальте.

Очарование помаленьку спадало. Статуя Свободы надоела. Фразовые глаголы слетали с языка на автомате. Дашка устало заказывала кофе и курила одну за одной. Старые привычки возвращались. Яркая одежда быстро потускнела и провоняла никотином. Дашка бесцельно бродила по улицам и не знала, куда себя деть. А действительно – куда?

В один из таких дней Дашка курила в специально отведённом пяточке рядом с мрачным латиносом лет тридцати. Дымить тут тоже по-человечески не разрешалось, ибо власти какого-то чёрта в один момент решили пропагандировать ЗОЖ и запретили курение где попало. И вдруг без предупреждения мир потух, как лампочка. Дашкино сознание рыбкой взлетело куда-то вверх и растворилось.

...Очнулась она с разбитым носом на тротуаре: она упала вниз лицом от удара со спины. Вокруг неё уже столпились копы и зеваки. Дашка разлепила веки, привычно схватилась за бок первым делом и похолодела: сумки с деньгами не было.

Оформление заявления прошло так же, как оформление

визы – муторно и долго. Задействовали посольство и всех на свете по словам полиции. Но латиноса не нашли. Деньги тоже. Копы поцокали языками и отпустили Дашку. Лёгким утешением было то, что документы, распиханные по карманам, вор не тронул. Свезло гаду, конечно – кто тут ещё, кроме Дашки, ходил с таким количеством налички разом.

Она выбралась из участка навстречу солнцу и воздуху. Вокруг всё цвело и играло, и от этого было ещё противней. Дашка побрела в свой мотель. И вдруг ощутила, что ей наконец стало легко.

Больше никаких денег по карманам и страха за эти деньги. Не надо думать, куда их девать и почему их так непривычно много. Никакой скуки, неопределённости, неприкаянности. Привычно нищая, необычайно одинокая, Дашка брела по улице и боялась себе признаться в том, что впервые за всё время пребывания здесь чувствует, что она счастлива. Что весь придуманный, наносной образ успешной фитнес-девочки не для неё, что всё это – яркая полиэтиленовая шелуха, в которую на время запеленали прежнюю безденежную Дашку-из-быстро, Дашку-с-недобрым-лицом, тусклолицую женщину сорока лет, которая привыкла голодными глазами смотреть на чужую красивую жизнь, но на самом деле никогда не знала, что делать, если эта жизнь достанется ей.

Дашка шла и бормотала что-то про безобразие, про беззаконие и про буржуев. Жующие рябчиков и ананасы американские буржуи не покачнулись и даже не расслышали её то-

ропливую русскую ругань, но Дашка почувствовала себя на месте, в своей привычной нише – и крылатое сердце заколотилось в грудной клетке, тёплое, свободное от ответственности и выбора.

Самое настоящее счастье, солнечное и лёгкое, заполнило её от макушки до пяток. И с каждым шагом всё больше и больше радости было в Дашкином сердце, иррациональной, дурацкой, сумасшедшей радости. Она ругалась вслух, сочно, с удовольствием, и чувствовала себя настоящей. Не киношной американкой, а прежней, живой и понятной Дашкой.

Она дошла до мотеля. Скорбно пожаловалась на свою судьбу бармену. Зашла в свой номер – проплачено было ещё пару дней.

Что дальше? Финита. Ничего за душой, надо ехать назад, в Россию, на голубом вагоне в Союзмультфильм к пьяным медведям с балалайками. Но радость отчего-то не покидала её, делалась горячее. Было легко и привычно. Как раньше.

В номер аккуратно постучал паренёк-бармен:

– Sorry, can I help you? I just thought...

Дашка жила в Америке уже год. Каждый вечер она оттирала полы в мотеле, мыла посуду, с которой жрали сытые разномастные американцы. Время от времени, когда работы было мало, она садилась на высокий табурет, просила у бармена Чака чашку кофе и сплетничала с ним обо всех вокруг. Они хохотали, и Дашке было хорошо и уютно.

Иногда с Дашкой заговаривал кто-нибудь. Спрашивал:

– Are you really Russian?

И Дашка пересказывала в стотысячный раз всю свою историю. Собеседник цокал языком, качал головой, потом говорил «Oh, excuse me, but I have to go...» и уходил. А Дашка продолжала болтать уже с Чаком. Говорить о том, как копит деньги на возвращение домой, как их всегда не хватает и что бы она сделала, будь у неё пачка долларов в сумке. Улыбалась, пожимала плечами. Иногда лила слёзы, пока жертва внутри расправляла плечи и подбавляла воды в глаза. Смотрела вечерами фильмы Гайдая, слушала Аллегрову и Пугачёву. И мучительно, радостно, бесплодно, безумно, бездумно, лицемерно и искренне хотела домой. В Россию.